

А. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Сведения и заметки о кириллических печатных книгах

6. О пустых листах

Если отсутствие интереса к пустым листам в книгах у читателей легко объяснимо, то подобное же отношение к ним библиографов вызывает по крайней мере удивление. Между тем неучет пустых листов, к сожалению, стал вполне привычным при библиографическом описании кириллических изданий, отчего в разных каталогах зачастую можно встретить совсем не одинаковые сведения об одном и том же издании, полнота которых, как правило, зависит от того, насколько полный экземпляр оказался в руках у библиографа. Так, например, виленское издание Евангелия 1600 г. (так называемое «Евангелие без сигнатур») описывается следующим образом.

У И. П. Каратаева: л. 2, 3, 5, 1 нн, 6—9, 1 нн, 2—391, 2 нн, то есть как имеющее объем в 403 л.¹

У А. Х. Горфункеля: [1^b—22⁸ 23⁶ 24⁸—37⁸ 38⁷ 39⁸—47⁸ 48⁶⁺² 49⁷ 50⁷ 51² 52⁶ 53²⁺¹] = л. 2—9, 1 нн гр., 2—101, 1 пуст., 102—104, 1 пуст., 1 нн гр., 106—171, 1 нн гр., 172—277, 1 пуст., 276², 279, 280, 1 нн гр., 281—391, 2 нн = 406, то есть как заключающее в себе на 3 листа больше.²

У В. И. Лукьяненко: [1]⁸—[22]⁸ [23]⁶ [24]⁸—[50]⁸ [51]⁸⁺² = л. 2, 3, 5, 1 нн, 6—9, 1 нн, 2—101, 1 пуст., 102—104, 1 пуст., 1 нн, 106—171, 1 нн, 172—277, 1 пуст., 276, 279, 280, 1 пуст., 1 нн, 281—360, 1 пуст., 361—391, 2 нн = 408, то есть как обнаруживающее в себе еще на 2 листа больше.³

Основываясь даже только на приведенных описаниях, нельзя не прийти к выводу, что в двух первых случаях учтены не все пустые листы

¹ Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг напечатанных кирилловскими буквами СПб., 1883 Т. I № 162 (примеч.) 403 л. получаются, поскольку во втором счете И. П. Каратаев указывает 2 листа гравюр, находящихся вне счета листов. Похожее описание приводит и Г. Я. Голенченко см. Галенчанка Г. Я. Старадрукованные кириллические издания XVI—XVIII ст. // Книга Беларуси 1517—1917 Зводны каталог Минск, 1986 № 55 Но Г. Я. Голенченко не учитывает нумерованных листов с гравюрами, почему и насчитывает только 401 л.

² Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков Л., 1970 № 33. Об этом издании как о 406-листном пишется и в других библиографиях, например Спирина Л. М. Книги кириллической печати XVI—XVIII вв. Загорского историко-художественного музея-заповедника М., 1981 № 526, Покровский Н. Н. Книги кирилловской печати XVI—XVIII вв. в фондах Государственной публичной библиотеки Киргизской ССР им. Н. Г. Чернышевского // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири Новосибирск, 1982 С. 181 № 5.

³ Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Л., 1973 Вып. I № 45. Похожее описание см. к примеру Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета М., 1980 № 67, Грицевская И. М. Книги кириллической печати XVI—XVII веков в фондах Нижегородской областной библиотеки Каталог Н. Новгород 1992 № 14.

издания, причем, как упоминалось, Г. Я. Голенченко не принимает во внимание в том числе и 2 листов гравюр, также находящихся за пределами счета листа.⁴

Среди приведенных описаний «Евангелия без сигнатур» наиболее точным является то, которое было сделано В. И. Лукьяненко. В описании А. Х. Горфункеля, несомненно, отразились особенности имевшегося в его распоряжении экземпляра книги, конечная часть которого была, очевидно, в весьма плачевном состоянии. Начиная с [38]-й тетради, в нем можно наблюдать несоответствие потетрадного деления книжного блока действительному, что следует истолковывать как результат позднейшей реставрации книги.

В описании В. И. Лукьяненко обращает на себя внимание последняя тетрадь, состоящая из 8 + 2 листов. Такая ее характеристика, конечно же, ошибочна, поскольку речь идет не о вставке или намеренном дополнении тетради,⁵ а о том, что последние 2 листа книги подклеены к тетради из 8 листов, то есть фактически о двух тетрадях. Последняя тетрадь могла заключать в себе только один двойной лист, то есть только 2 листа, или же 2 двойных листа, то есть 4 листа, два последних из которых были пустыми.⁶ Однако для решения вопроса о ее действительном объеме необходимо дополнительное обследование экземпляров издания.

Интерес вызывает и [23]-я тетрадь, в составе которой обнаруживается только 6 листов, но о причине появления ее невозможно судить без учета традиции печатания в Вильне Евангелия.

Кроме «Евангелия без сигнатур» в Вильне в XVI в. было напечатано еще два издания этой книги, одно — в 1575 г. Петром Тимофеевым Мстиславцем, другое — в 1600 г., почти одновременно с «Евангелием без сигнатур», — так называемое «Евангелие с сигнатурами».

Евангелие 1575 г. также не имеет единого описания, его объем указывается по-разному:

У И. П. Каратаева: 9 и 395 л., то есть в 404 л.⁷

У А. Х. Горфункеля и В. И. Лукьяненко: [1]¹⁰ [2]⁸—[51]⁸ [52]⁴ = л. 1, 1 пуст., 2—9, 1 нн, 2—52, 41, 54—81, 85, 83—101, 1 пуст., 102—104, 1 пуст., 105—167, 1 пуст., 168—171, 1 пуст., 1 нн, 172—277, 1 пуст., 278—280, 1 пуст., 1 нн, 281—360, 1 пуст., 361—395 = 414.⁸

⁴ Неточности в указании объема издания обычно легко проследить по приводимым в описании сведениям о потетрадном распределении листов в книжном блоке. Любую тетрадь, имеющую необычное по сравнению с другими количество листов, нужно рассматривать либо как отражение особенностей экземпляра описываемой книги, либо как результат целенаправленных действий типографов и, следовательно, как свидетельство того, что история печатания издания имела свою специфику.

⁵ Яркий пример подобной вставки можно найти в [6]-й тетради Служебника (М., 28.VIII.1627), после 6-го листа которой, а тетради в нем составлены из 8 листов, вклеены 4 листа (с эктениями за царя на полунощнице и павечернице на трех из них, последний лист — пустой).

⁶ Подклейка, как правило, производилась тогда, когда пустые листы обрезались, а это нередко происходило при переплете экземпляра. Подобное обыкновение зачастую не учитывается библиографами, примером чему служит львовский Апостол Ивана Федорова, последняя тетрадь которого заключает в себе не 8, а 10 листов, завершаясь двумя пустыми листами, отсутствующими в большинстве известных экземпляров, что вызвало необходимость подклейки двух первых листов (парных с пустыми).

⁷ Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг... № 87. См. также: Галенчанка Г. Я. Старадрукаванныя кірылічныя выданні... № 8.

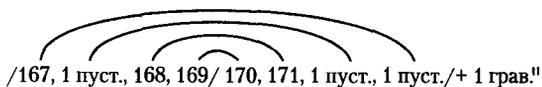
⁸ Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати... № 7; Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий... № 6. См. также: Веселова Л. Ф. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII вв. Казань, 1986. № 3. Описание приведено по каталогу В. И. Лукьяненко, так как в текст описания А. Х. Горфункеля закралась досадная опечатка.

У В. В. Лобанова: 1, 1 чистый, 2—9, 1—52, 41, 54—81, 85, 83—101, 1 чистый, 102—104, 1 чистый, 105—167, 1 чистый, 168—171, 1 чистый, 1 гравюра, 172—277, 1 чистый, 278—280, 1 чистый, 281—395, то есть как заключающее в себе 412 л.⁹

У И. В. Поздеевой, И. Д. Кашкаровой, М. М. Леренман: [*]¹⁰[1]⁸—[22]⁸[23]¹⁺⁸ [24]⁸—[36]⁸ [37]¹⁺⁸ [38]⁸—[49]⁸ [50]¹⁺⁸ [51]⁶ = л. 1, 1 пуст., 2—9, 1—101, 1 пуст., 102—104, 1 пуст., 105—167, 1 пуст., 168—171, 2 пуст., 1 грав., 172—277, 1 пуст., 278—280, 2 пуст., 1 грав., 281—360, 1 пуст., 361—395, 3 пуст. = 419 л.¹⁰

Последнее из приведенных описаний является, несомненно, самым полным, хотя и не вполне верным: один из листов последней тетради приписан в нем тетради предшествующей, на самом деле последняя тетрадь состояла из 8 листов, 4 из которых на конце ее были пустыми.

Появление дополнительного пустого листа в тетради [23] (после л. 171) и [37] (после л. 280) заслуживает специального комментария. При двух пустых листах перед гравюрой тетрадь [23], к примеру, имеет вид:

Гравюра здесь напечатана на отдельном листе, что довольно характерно для ранних изданий. При этом парный ей пустой лист обычно обрезался.¹² Гравюра подклеивалась к последнему листу тетради, который мог сохраняться, но мог и вырезаться, поскольку был излишен с функциональной точки зрения. Вместе с тем уже в издании 1575 г. встречается вариант [23]-й тетради, когда гравюра напечатана вместе с текстом, образуя двойной лист с л. 167.

При сравнении описаний Евангелия 1575 г. и «Евангелия без сигнатур» легко понять, почему тетрадь [23] в издании «без сигнатур» имеет только 6 листов: в ней отсутствует второй двойной лист, обе части которого были пустыми. И отсутствие это представляется далеко не случайным. Судя по всему, издатели «Евангелия без сигнатур» решили опустить этот двойной лист из соображений экономии бумаги.

Закон экономии является одним из законов внутреннего развития книгопечатания, начальный этап которого характеризуется, наряду с поисками и пробами печатников, необычайным расточительством дорогой по тем временам бумаги. Первым опытом, выходящим из-под печатного станка, пытались придать изящные, соразмерные формы и одновременно великолепие, что отчасти выражалось и через расточительство по отношению к бумаге, поскольку использовались сравнительно крупные шрифты, оставались большие поля и, по необходимости, полностью свободные от текста пустые листы. Впоследствии, когда книгопечатание стало привычным жизненным явлением, оно превратилось из искусства в производство, а производство, как известно, выдвигает совсем другие требования, в частности требование удешевления продукции (все это не относится, конечно, к специальным роскошным изданиям). Поэтому постепен-

⁹ Лобанов В. В. Славянские книги кирилловской печати XVI—XVIII веков. Томск, 1975. № 1.

¹⁰ Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М. Каталог книг кириллической печати... № 22.

¹¹ Дугами на рисунке соединены листы, образующие двойной лист.

¹² Но не всегда. Также и в других изданиях. Например, в экземпляре Апостола (М., 1623), находящемся в библиотеке СПбГУ (инв. ОРК 6304), гравюра вплетена с необрезанным пустым листом.

но крупные шрифты уступали место более мелким,¹³ сокращались поля книг, причем за счет увеличения как количества строк на странице,¹⁴ так и ширины набора,¹⁵ наконец, уменьшалось количество пустых листов в книге, как это было сделано в [23]-й тетради «Евангелия без сигнатур».¹⁶

О том, что 6-листный объем этой тетради не был, судя по всему, фактом бытования экземпляров книги, а все библиографы сходятся на том, что в [23]-й тетради ее лишь 6 листов, свидетельствует парное по отношению к «Евангелию без сигнатур» издание — так называемое «Евангелие с сигнатурами», напечатанное несколько позже безсигнатур-

¹³ Процесс этот протекал довольно своеобразно, что можно проследить на примере московских изданий, напечатанных по 1700 г. (см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958). Первые московские издания, анонимные, печатались довольно крупными шрифтами, 10 строк которых измеряются 107—108 (№ 1, 2, 4) и 125 мм (№ 5, 6), хотя появление среди них издания с шрифтом 83 мм (№ 3) говорит о том, что и в ту пору печатниками осознавалась необходимость в более мелких шрифтах. В дальнейшем вопрос о крупных шрифтах был решен довольно быстро. Их размеры оставались в пределах 125—129 мм, если измерить 10 строк, а употребление ограничилось, за немногими исключениями, только печатанием время от времени Евангелия. Основная нагрузка легла на средние шрифты, которые после опытов Ивана Федорова (10 строк = 87 мм, № 7—9) и Иосифа Кириллова (76—77 мм, № 32, 35, 38, 39, 47) до середины XVII в. установились в пределах 88—91 мм. Лишь в изданиях Василия Бурцова, а также с начала 50-х гг. XVII в. на московском Печатном дворе (первое издание: Службеник. 18.VII.1651 — № 231) их размеры были уменьшены до 83—87 мм, причем с 1660 г. подобные размеры стали единственно возможными для средних шрифтов московских изданий. Мелкий шрифт (10 строк = 59 мм) впервые появился в издании Службеника (после 14.III.1616 — № 31), однако, судя по тому, что этот опыт был единичен, его нужно отнести к шрифтовым поискам московских печатников. Далее мелкий шрифт (61—62 мм) был применен в трех изданиях Бурцова (№ 113, 116, 117). Действительный же интерес к мелким шрифтам на Печатном дворе возник лишь во второй половине 40-х гг. XVII в. Прежде всего это проявилось в печатании ряда изданий шрифтом, схожим по размерам с шрифтом Иосифа Кириллова (77—78 мм; см.: Канонники 1646. 1651. 1652 гг. — № 190, 232, 244; Святыцы 1646 г. — № 193; Часовник 1651 г. — № 230; Учение и хистрость ратного строения пехотных людей И. Якоби фон Вальхаузена — № 201; Грамматику Мелетия Смотрицкого — № 206). Однако вскоре московские типографы стали использовать еще более мелкий шрифт (49 мм; см.: Святыцы 1648 г. — № 213, и Малый катехизис Петра Могилы 1649 г. — № 215). Начиная с 60-х гг. XVII в. применение мелких шрифтов, среди которых можно по размерам выделить 4 (75—77 мм — № 330, 331, ..., 401; 72—73 мм — № 370, 469, 494, 498; 59—61 мм — № 344, 348, ..., 488; 49—51 мм — № 281, 284, ..., 352, 497), стало на Печатном дворе обычным явлением. Во второй половине XVII в. в Москве появились также издания, напечатанные не одним, но двумя, а то и тремя шрифтами, причем обычно к традиционному уже для книги шрифту добавлялся и более мелкий (№ 273, 301, 319, 321, 327 и т. д.), реже, в особых случаях, — наоборот (см. Службеники 1655 и 1656 гг. — № 257, 269).

¹⁴ Увеличение со временем количества строк на странице легко проследить в печатной истории той или иной книги по таблицам, составленным А. А. Гусевой, см.: Гусева А. А. Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI—XVIII вв.: Метод. рекомендации. М., 1990. С. 32—66.

¹⁵ Размеры зеркала набора редко приводятся в библиографических указателях, однако свидетельства увеличения ширины набора можно обнаружить при сравнении разновременных заставок, предназначенных для одного формата: они постепенно удлиняются. Интересен случай с цетинским Октоихом 5—8 гласов (ок. 1494—1495 гг.), ширина набора которого была увеличена еще в процессе печатания издания (см.: Немировский Е. Л. Начало южнославянского книгопечатания кирилловским шрифтом // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 68. С. 186).

¹⁶ О стремлении использовать возникавшие пустоты говорит указ 11 декабря 1689 г. о печатании служебных миней на московском Печатном дворе. В нем, в частности, предписывалось набирать книги с 27 строками на странице (предшествующее издание имело 25), а также «розмечать тех книг миней переводы по палатно, всех четырех станов наборщиком вместе чтоб врозмет погрешенной отрозметы не было и которого дня службы наборщику не достанет полустраницы и на той странице начинать другого дня служба и буде у которого не достанет трех строк или четырех и на той старнице другого дня службы начинать», см.: Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII-го столетия. СПб., 1902. С. 49—50 (Зап. Импер. АН по ист.-филол. отдел. 8-я серия. Т. 5, № 5).

ного. В нем, кроме тетради γ, соответствующей [23]-й тетради «Евангелия без сигнатур», 6 листов обнаруживается и в тетради α, и также за счет пустых листов. Состав тетради α, если бы типографы вполне следовали Евангелию 1575 г., был бы такой:

/276, 277, 1 пуст., 278/ 279, 280, 1 пуст., 1 грав./

В этом случае недостаточно было просто вынуть из тетради двойной лист с пустыми полями, но нужно было набирать 277-й 280-й л. как один двойной лист, что можно расценивать только как вполне осознанное, намеренное действие — действие, ставшее выражением определенной тенденции в деятельности типографии Мамоничей той поры, а именно: стремления уменьшить затраты, связанные с печатанием издания.

Проследить историю пустых листов в целом, к сожалению, нет возможности, в том числе из-за упоминавшегося странного невнимания к ним библиографов. Но даже основываясь на материалах московских изданий, вышедших до начала 30-х гг. XVII в., можно утверждать, что их роль в книгах была не такой, как сегодня,¹⁷ и что самое их наличие в изданиях лишь в очень немногих случаях объясняется случайностью.

Случайное появление пустых листов в книгах происходило прежде всего в связи с тем, что в начальную пору книгопечатания многие издания печатались частями, яркий пример чему можно видеть в анонимном московском Евангелии (ок. 1558—1559).¹⁸ При рассмотрении состава книги и потетрадного распределения книжного блока становится очевидным, что издание распадается на ряд сегментов, которые, судя по неполноте завершающих их тетрадей, должны были печататься отдельно:

[1]⁸ [2]² — предисловие к книге, оглавление Евангелия от Матфея и предисловие к нему Феофилакта;

[3]⁸—[15]⁸ [16]² — Евангелие от Матфея, оглавление Евангелия от Марка и предисловие к нему Феофилакта;

[17]⁸—[24]⁸ [25]⁴ — Евангелие от Марка, оглавление Евангелия от Луки и предисловие к нему Феофилакта;

[26]⁸—[38]⁸ [39]⁴ — Евангелие от Луки, оглавление Евангелия от Иоанна и предисловие к нему Феофилакта;

[40]⁸—[48]⁸ [49]⁴ — Евангелие от Иоанна;

[50]⁸—[52]⁸ [53]⁴ — Сборник 12 месяцев, «сказуя главы коемуждо Евангелию избранным святым и праздником», и «Сказание, еже како на всяк день должно есть чести Евангелие, неделям всего лета».

Печатание частями этого Евангелия принесло только 1 пустой лист — последний лист [25]-й тетради, который здесь не особенно заметен, поскольку деление на части было смысловым, отчего трудно сказать, на одном или на нескольких станах печаталась эта книга.

¹⁷ В ранних славянских книгах не обнаруживаются, к примеру, листы-бланки, предназначенные для заполнения их владельцем книги. Между тем в западноевропейском книгопечатании они появились сравнительно рано, см.: *Bibliothecae inclytae Reipub. Augustanae utriusque tum Graecae tum Latinae librorum et impressorum et manu exaratorum: Catalogus. Augustae Vindelicorum* (Augsburg), 1600, где оставлены пустые страницы для дополнений после разделов «libri Theologici» (p. 206—208), «libri Iuridici» (p. 286—288), «libri Medici» (p. 334—336), «libri Philosophici» (p. 462—464), «libri Mathematici» (p. 495) и «libri Poetici» (p. 544).

¹⁸ Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 1. Далее отсылки к этому каталогу будут производиться указанием номеров изданий непосредственно в тексте.

Однако зачастую текст разделялся произвольно, как в случае с анонимной Псалтирью (ок. 1564—1565, № 6), которая просто поделена на 2 половины (вероятно, для печатания на двух станах):

1⁸—15⁸ 16⁴ 17⁸—33⁸ 34⁴⁹ = л. 1—86, 86—89, 89—124, 1—44, 46—49, 51—119, 121, 121—141...?

Первая из частей заканчивается 10-й кафизмой, вторая начинается 11-й, причем разделение подчеркивается и наделением каждой половины книги своей фолиацией. Впрочем, создавая эту книгу, печатники смогли обойтись без пустых листов.

Напротив, во 2-й части Октоиха, напечатанного Андроником Тимофеевым Невежей в 1594 г. (№ 12), две ее половины, 5—6-й и 7—8-й гласы, разделены пустым листом, хотя это и не выразилось в появлении неполных тетрадей (пустой лист здесь является последним, восьмым, листом [30]-й тетради), что говорит о довольно искусной разметке рукописного оригинала:

[1]⁸—[60]⁸ [61]⁴ = л. 1—239, 1 пуст., 240—483.

Порою, когда пустые листы, обязанные своим появлением традиции печатать книги частями, появлялись в середине текста, они, по-видимому, вырезались. По крайней мере именно этим представляется возможным объяснить появление неполной тетради во 2-й части Октоиха 1618 г. (№ 33):

[1]⁸—[42]⁸ [43]⁶⁺¹ [44]⁸—[57]⁸ = л. 1—454, 1 пуст.

Последний лист [43]-й тетради, как можно предположить, вышел из-под печатного станка пустым, а затем, как помеха последовательному чтению текста, был удален.¹⁹

Значительно реже случайное появление пустых листов объясняется другими причинами. Так, в издании Минеи служебной на сентябрь, осуществленном Иваном Андрониковым Невежей в 1607 г. (№ 23) и описанном А. С. Зерновой таким образом:

[1]⁸—[40]⁸ [41]⁶⁺¹ [42]⁴ = л. 1, 1—300, 1 пуст., 302—330 —

оно было обусловлено происшедшим в процессе печатания книги изменением принципов набора ее текста. Первоначальный объем ее предполагался меньшим. Если учесть то, что листы с выходными сведениями Минеи (л. 327—330) имели поначалу нумерацию 274—277, она должна была иметь следующий вид:

[1]⁸—[35]⁸ = л. 1 пуст., 1—277, 2 пуст.,

поскольку, если указание А. С. Зерновой о напечатании выходных сведений на двух двойных листах верно,²⁰ первоначальный вариант тетради [35] мог быть только таким:

 /272, 273, 274, 275/ 276, 277, 1 пуст., 1 пуст./

Принятие решения о дополнении книги еще тремя службами (на 19 сентября князю Феодору и чадам его Давиду и Константину, смоленским и ярославским чудотворцам, на 20 сентября великому князю Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору и на 25 сентября Сергию Радонежскому) и богородичными на 8 гласов заставило типографов изменить ее конечную часть. Пустой оборот л. 273 оказался теперь не перед выход-

¹⁹ Ср. замечание И. П. Каратаева о напечатанном в 1537 г. в Руянском монастыре Евангелии: «В тетради 8-ой, печатный текст только на 7-ми листах, а один лист оставлен белым, однако же в тексте пропуска чрез это нет» (Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг... № 27).

²⁰ Просмотренные мною экземпляры РНБ и БАН не позволяют судить об этом.

ными сведениями, а перед первой из добавленных служб, отделяя ее таким образом от основного текста, в котором конец и начало двух служб набирались, когда позволяло место, одно подле другого на одной и той же странице. И если выделение первой дополнительной службы произошло благодаря случаю, то следующие за ней тексты разделялись пустотами вполне сознательно: перед службой Михаилу Черниговскому был оставлен пустой оборот листа (л. 288 об.), а перед службой Сергию Радонежскому — целый пустой лист, поскольку оборот л. 300 был занят текстом. И это было сделано специально, о чем свидетельствует то, что пустым оставлен не первый и не последний, а 6-й лист восьмилистой тетради, а также то, что при печатании Минеи типографы довольно бережно относились к бумаге (сведения о внесении дополнений были напечатаны на обороте первого листа книги, который предполагалось оставить пустым, а последние 6 строк текста, не поместившиеся, видимо, в результате неверной разметки, на листах [41]-й тетради, были допечатаны не на двойном, а на одинарном листе, который затем подклеивался к этой тетради).

Но по большей части появление в изданиях пустых листов было совсем не случайным, от них ожидалось выполнение вполне определенных функций. Прежде всего они использовались как защитные, обеспечивающие сохранность книжного блока. Для этого оставлялись пустыми листы в конце и начале книги.

Подобные листы обнаруживаются уже в самых ранних московских изданиях, анонимных (№ 2—5), и стабильно применяются в книгах до 60-х гг. XVII в., когда намечается еще не полный отказ от этой традиции, но постепенное ее разрушение, поскольку на место пустых листов в начале книги приходит титульный лист, печатавшийся, как правило, отдельно от основного книжного блока (отказ по необходимости от последних пустых листов получает развитие в еще более раннюю пору).

Между тем поначалу защитным пустым листам придавалось довольно важное значение в структуре книги. На это указывает обнаруживаемое уже в изданиях Андроника Тимофеева Невежи увеличение против обычного объема первой и последней тетрадью в случаях, когда текстом заполнялись все листы тетради обычного объема.²¹

Традиция начинать книгу с пустого защитного листа (или листов) была в первой половине XVII в. настолько устойчивой,²² что каждый случай отказа от нее должен иметь специальное объяснение. И действительно, его не находят лишь несколько изданий: Октоих 1618 г. (№ 33), Триодь постная 1621 г. (№ 42), 1-я часть Октоиха 1631 г. (№ 86, возможно, по традиции, так как она печаталась по изданию 1618 г.), Шестоднев 1635 г. (№ 122) и Служба и житие Саввы Сторожевского 1649 г. (№ 195).

²¹ При этом вместо обычных восьмиллистных появлялись десятилистные тетради. см. в начале книги: № 13, 15 (издание в 4^о), 16 (указание А. С. Зерновой объема первой тетради как 6 + 2 говорит о том, что в виденном ею экземпляре первые пустые листы были утрачены), 29, 40, 77; а также в конце книги: № 20, 33, 39 (издание в 4^о, последняя тетрадь двенадцатилистная, с тремя пустыми листами), 40, 45 (последняя тетрадь двенадцатилистная, с 2 пустыми листами). В Апостоле (М., 1623 — № 46), напротив, в последней тетради было не 10, как указано у А. С. Зерновой, а 8 листов (см. экземпляр библиотеки СПбГУ: А III 67).

²² Исключение составляли Часовники, возможно, как наиболее дешевые, часто печатаемые и часто обновляемые владельцами книги. В этом же ряду, вероятно, стоят и Святцы 1648 г. (№ 213), напечатанные форматом в 16^о, а также малоформатные издания Василия Бурцова (№ 102, 103, 107, 108, 113, 116, 117), которые могли по аналогии с Часовниками, имевшими формат в 8^о, оставаться без защитного листа в начале книги.

Среди других изданий с отсутствием защитного пустого листа в начале книжного блока подавляющее большинство составляют такие, в которых защитная роль была отведена предисловной части книги (№ 32, 35, 43, 49, 56, 75, 94—97, 109, 112, 121, 123, 129, 131, 135, 136 и т. д.).²³ О том, что предисловную часть рассматривали и с этой точки зрения, можно судить по отделению ее от основного корпуса книги пустыми листами (см.: № 20, 24, 32, 35, 38, 43, 49 и т. д.), причем порою эти пустые листы принадлежали самой предисловной части, как в сентябрьской Минее служебной 1619 г. (№ 35), начало которой таково:

[*]^k [1]⁸—... = л. 1—6, 2 пуст., 1—...

Здесь пустые листы служат защите не предисловной части, но так же, как и она сама, основного текста.

Нужно думать, что с традиционно печатаемыми предисловиями, пусть и не отделяемыми от основного текста, было связано появление нескольких изданий Евангелия без защитных пустых листов (№ 64, 69, 99, 134, 147). Не исключено, что предисловная часть имела или предполагалась также в изданиях Псалтири 1619 г. (№ 36),²⁴ декабрьской Минеи служебной 1620 г. (№ 39),²⁵ Катехизиса Лаврентия Зизания (№ 63).²⁶

Оставшиеся случаи выпуска в первой половине XVII в. книг без защитных листов в их начале — это, за исключением Учения и хитрости ратного строения пехотных людей И. Якоби фон Вальхаузена, печатавшегося в России и Голландии и имевшего титульный лист (№ 201), либо части изданий (№ 80—82), либо издания, описанные А. С. Зерновой по дефектным экземплярам. Среди них нужно, прежде всего, назвать Псалтирь (12.XI.1625 — № 59), потетрадное распределение книжного блока которой должно быть представлено не как:

[1]⁸—[45]^k [46]⁸⁺² = л. 1—370, —

а как:

[1]⁸—[46]⁸ [47]⁴ = л. 1—2 пуст., 1—370;²⁷

а также бурцевскую Псалтирь (19.XII.1634 — № 104), первая тетрадь которой заключала в себе, конечно же, не 4 + 2, а 8 листов с двумя пустыми листами, поскольку в ней была воспроизведена типичная для того времени московская Псалтирь, подобная изданию 1625 г.

Наряду с защитной пустые листы могли выполнять в издании и другую функцию — разделительную, применяясь для отделения частей издания. В первую очередь, отделению подлежали предисловная часть и колофон книги, поскольку не относились к основному ее корпусу, но вступали с ним в соприкосновение как нечто сопутствующее и к тому же переменное, легко поддающееся изменению, а то и опущению (колофон, к примеру, мог быть перемещен из конца в начало книги), отчего на

²³ Под предисловной частью понимается совсем не то, что рассматривает в качестве предисловий А. С. Демин. Предисловная часть могла заключать в себе не только вынесенный в начало книги колофон, но и оглавление книги, дополнительные статьи, служившие пояснением к содержанию книги или ее уставному употреблению, наконец, предисловия, уже традиционно предварявшие ее основной текст. Как правило, предисловная часть выводилась за пределы общей нумерации листов и общего сигнатурного ряда и печаталась уже после того, как был напечатан основной корпус книги.

²⁴ См. о ней 5-ю статью этого цикла: Вознесенский А. В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 5. Загадка московской Псалтири 1619 г. // ТОДРЛ. СПб., 2000. Т. 52. С. 641—644).

²⁵ По крайней мере все другие служебные Минеи, напечатанные в 1619—1622 гг., за исключением февральской (№ 45), имели предисловную часть (см. № 35, 38, 43).

²⁶ Издание это, по свидетельству А. С. Зерновой, незаконченное.

²⁷ См. экземпляр библиотеки СПбГУ: инв. ОРК 4701. Похожие Псалтири были напечатаны в Москве в 1629 (№ 71) и 1631 гг. (№ 89).

них, как упоминалось, порою возлагалось выполнение защитной функции.

Можно привести не один пример того, как, несмотря на наличие предисловия и защитных пустых листов в его начале, первый лист основной части книги также оказывается пустым (в отношении основной части книги и колофона нужно учитывать возможность отделения его пустым оборотом последнего листа, в этом случае не было нужды оставлять пустым еще один лист), однако наиболее яркое подтверждение тому, что подобное отделение производилось типографами вполне осознанно, обнаруживается в Уставе, напечатанном Анисимом Радишевским в 1610 г. (№ 28). Книга эта имеет две предисловие части, которые описаны А. С. Зерновой следующим образом:

[*]⁶ [*]⁸ [*]⁸ [*]⁴ [1]⁸... = 3 пуст., 1—11, 1 пуст., 1—11, 1—...

Первая из них представляет собою перенесенный в начало книги развернутый в предисловие колофон, вторая содержит поучение св. апостол и св. отец о типах, оглавление и несколько мелких статей. Большая близость к основному тексту второй предисловной части дала возможность типографам рассматривать ее в качестве одной из непрерывных составляющих текста Устава (в ее начало поэтому помещен разделительный пустой лист). Начало второй предисловной части стало своего рода точкой отсчета для первой, которую набирали таким образом, что потетрадное распределение текста производилось, исходя из конца, а не из начала текста (отсюда полная восьмилитная тетрадь в ее конце и неполная шестилитная — в начале). Все это позволяет говорить о том, что в Уставе 1610 г. отделение предисловия от основного корпуса книги, пусть и начинающегося другим предисловием, было осуществлено одновременно посредством пустого листа и особого, довольно необычного, способа набора текста предисловия.

Естественно, что отделение предисловной части и колофона производилось не всегда и, нужно думать, прежде всего из соображений экономии бумаги, — особенно, когда для этого нужно было использовать полностью пустой двойной лист. Такие листы могли изыматься уже при переплете издания, в связи с чем определение того, являются ли они частью издания или нет, становится одной из важных, но одновременно и наиболее трудных проблем, стоящих перед библиографами. При обнаружении хотя бы одного экземпляра, в котором они есть, предпочтительнее было бы считать, что они были когда-то и в других экземплярах, однако дело осложняется возможным появлением в книге «переплетных» пустых листов — листов, добавленных в нее волею переплетчика.

Ярким примером тому является история Псалтири с воследованием (М., 1627 — № 66). Ее описание, сделанное А. С. Зерновой, было исправлено по экземпляру, обнаруженному в St. Andrews University Library, который, по мнению изучавших его исследователей, следует признать лучше сохранившимся и более полным.²⁸ Если оставить в стороне применение в новом описании методов дескриптивной библиографии и сосредоточиться на вопросе о том, как изменилось в нем представление об объеме Псалтири с воследованием, то нельзя не прийти к выводу, что изменения коснулись только начала и конца книги.

Две начальные тетради имеют, по описанию А. С. Зерновой, следующий вид:

²⁸ Christian R. F., Sullivan J., Simmons J. S. G. Early-Printed Russian Books at St. Andrews and their Background // The Bibliothek: A Scottish Journal of Bibliography and Allied Topics. 1970. Vol. 5. P. 229—230.

В новом описании на их месте обнаруживаются три тетради:

причем листы второго счета 1 и 2, 1 пуст. и 9, 3 и 8 не составляют двойных листов.

В конце книги отмечено только изменение объема, и последняя тетрадь показана так:

Таким образом, в новом описании объем книги увеличился на 5 листов, и именно: пустых листов.

Появление одного из них легко объяснить, если вспомнить об обыкновении печатать гравюры отдельно от основного текста. В шотландском экземпляре пустой лист не обрезан, а вплетен вместе с гравюрой.²⁹ Остальные 4 пустых листа составляют 2 двойных листа, одним из которых охвачена предисловная часть книги, другим — ее колофон, что, впрочем, не оправдывает их наличия в книге, особенно — в ее начале, где и без того уже имелся защитный пустой лист. Появление их может быть объяснено только произволом переплетчика и, следовательно, должно рассматриваться не как факт истории печатания этой Псалтири с воследованием, а как факт истории бытования одного из ее экземпляров.

Пустые листы, выполняющие разделительную функцию, употреблялись не только в начале и конце основного корпуса книги, но и внутри его. К примеру, в Псалтири 1568 г. (№ 9) именно так отделена основа Псалтири, заканчивающаяся уставными указаниями на случай завершения пения нескольких кафизм или всей Псалтири, от ее дополнений, начинающихся псалмами избранными. Однако подобное применение пустых листов встречается не часто и является более или менее регулярным лишь в Евангелиях и Службениках.

Таким образом, учет пустых листов в старопечатных изданиях важен не только для составления правильного представления о их тетрадном составе.³⁰ Пустые листы в них не были случайным явлением, но представляли собою неотъемлемую, функционально значимую их часть, что вполне осознавалось типографами той поры.³¹

²⁹ Едва ли можно объяснить его каким-либо другим образом. Очевидно, что и он и гравюра были вставкой. Если бы первые 2 листа рассматривались типографами в качестве предисловной части, они по традиции того времени получили бы иную, отличную от общей, фолиацию. В этом случае начало первой тетради основного корпуса текста с пустого листа было бы понятно. Первая тетрадь, несомненно, заключала в себе л. 1—8, к которым после второго листа прилеталась гравюра, поскольку невозможно представить, чтобы печатание книги началось сразу с 3-го листа.

³⁰ На затруднения при разделении книги на тетради, возникающие в связи с пустыми листами, указывала А. С. Зернова (см.: Зернова А. С. Методика описания старопечатных книг кирилловской печати // Работа с редкими и ценными изданиями: Сб. статей и инструктивных материалов. М., 1973. С. 41).

³¹ Не случайно зачастую пустые листы включались в общую фолиацию, причем даже защитные, как в случае с Часовником 1632 г. (№ 91, см. примечание А. С. Зерновой: «Л. 1 — пустой с колонцифером»).

7. О сводных каталогах кириллических книг и каталоге Е. Л. Немировского.³²

Появление на свет сводных каталогов — всегда событие в библиографии, поскольку каталоги такого рода, как правило, являются итогом определенного этапа ее развития, показывая достижения как археографической (изыскательской) работы, так и самой библиографии в описании и осмыслении найденного материала.

По сводным каталогам легко проследить развитие библиографии в XIX в. от простой фиксации факта существования изданий у В. Сопикова,³³ И. П. Сахарова,³⁴ И. П. Каратаева,³⁵ В. М. Ундольского³⁶ до их книговедческого описания, характеризующегося отсутствием еще строгой системы приемов лаконичного и вместе с тем емкого представления изданий и прибегающего поэтому к повествовательной манере рассказа об их особенностях и, порою, об их исторической судьбе, у П. П. Пекарского,³⁷ И. П. Каратаева,³⁸ Й. Беану и Н. Ходоша.³⁹ История книговедческого описания изданий могла бы закончиться каталогом Т. А. Быковой и М. М. Гуревича,⁴⁰ если бы не культивировалась, в весьма расширенном виде, в работах Е. Л. Немировского.⁴¹

Качественно новый уровень развития библиографии зафиксирован сводными каталогами А. С. Зерновой и Т. Н. Каменевой.⁴² А. С. Зерновой удалось выработать такую систему описания, при применении которой в очень сжатом виде приводилась почти вся основная информация о книге, позволяющая сделать весьма точную атрибуцию экземпляра определенному изданию уже по описанию.

Появление каталогов А. С. Зерновой и Т. Н. Каменевой имело большое значение для библиографического учета кириллических книг Со-

³² Nemirovskij E L. Gesamtkatalog der Fruhdrukke in kirillischer Schrift Baden-Baden, 1996— Bd 1 Inkunabeln 1996, Bd 2 Die Druckereien den Makarje in der Walachei und von Giorgio Rusconi in Venedig 1997 Bd 3 Die Prager Druckerei von Francisk Skorina 1998 (Bibliotheca bibliographica Aureliana, 140. 152 155) В дальнейшем указания на этот каталог приводятся в квадратных скобках непосредственно в тексте

³³ Сопиков В Опыт российской библиографии или Полный словарь сочинений и переводов напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года СПб., 1813, 1821 Ч 1, 5

³⁴ Сахаров И П Обзорение славяно-русской библиографии СПб., 1849 Т 1 кн 2 Хронологическая роспись славяно-русской библиографии издания, напечатанные кирилловскими и русскими буквами с 1491 до 1731 года

³⁵ Каратаев И П Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491—1730 СПб., 1861

³⁶ Ундольский В М Очерк славяно-русской библиографии М 1871

³⁷ Пекарский П П Наука и литература в России при Петре Великом СПб 1862 Т 2

³⁸ Каратаев И П Описание славяно-русских книг

³⁹ Beanu J, Hodoş N Bibliografia romanescă veche 1508—1830 Bucureşti 1903 Vol 1

⁴⁰ Быкова Т А, Гуревич М М Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689—январь 1725 г М, Л, 1958

⁴¹ Описание издания у Е Л Немировского может занимать несколько десятков страниц Так к примеру, четырем изданиям Швайпольта Фиоля в его книге «Начало славянского книгопечатания» (М 1971) посвящены соответственно с 76—118, 118—141, 141—160 160—172 Впрочем, сам исследователь называет полюбившийся ему метод описания «книговедческо-библиографическим» (см [Bd 2 S 71, 90])

⁴² Зернова А С 1) Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков М 1952, 2) Книги кирилловской печати , 3) Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта 1677—1750 (Атлас) М, 1963, Зернова А С, Каменева Т Н Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века М, 1968, Каменева Т Н Черниговская типография, ее деятельность и издания // Труды / Гос б-ка СССР им В И Ленина М, 1959 Т 3 С 224—384

зданная ими возможность точной атрибуции книг без сравнения с другими экземплярами позволяла описывать уже небольшие собрания кириллических изданий, чем не преминули воспользоваться библиографы, работающие с этими собраниями. Кроме того, с появлением «атрибутивного» описания А. С. Зерновой стало понятно, какие параметры издания важно учитывать, чтобы выделить его из ряда подобных, в связи с чем те же приемы стали использоваться при описании книг, оставшихся за пределами изданных ею и Т. Н. Каменевой сводных каталогов.

Отдавая должное «атрибутивному» описанию А. С. Зерновой, в основе которого лежали, нужно думать, как ее знакомство с инкунабуловедческими штудиями, так и собственный опыт работы с кириллическими изданиями, следует заметить, что вне ее внимания остался вполне сформировавшийся к тому времени метод дескриптивной библиографии, позволявший представить книгу уже как объект историкотипографского и культурологического исследования.⁴³

Следующие затем сводные каталоги либо представляли собою учетные списки кириллических изданий, оставаясь, таким образом, лишь подступом к реальному сводному каталогу,⁴⁴ либо основывались на «атрибутивном» методе А. С. Зерновой,⁴⁵ порою несколько увеличивая число подлежащих рассмотрению параметров издания.⁴⁶

Как легко заметить, развитие библиографических исследований кириллических изданий пошло в XX в. по пути отказа от попытки создания всеобщей библиографии. При этом внимание исследователей сосредоточилось на библиографическом описании книг, принадлежащих определенным эпохам, отдельным печатным традициям или даже одной только типографии. Нужно думать, что это во многом определялось большой трудоемкостью создания «атрибутивных» описаний. Не случайно поэтому, что возможность воплощения своей идеи о сводном каталоге кириллических изданий XV—XVII вв. Д. С. Г. Симмонс видел в совместной работе многих исследователей ряда стран, к которым он и обратился с письмом в 1966 г., предложив обсудить этот вопрос на съезде славистов. Идея Д. С. Г. Симмонса, однако, не получила должной поддержки, и работа над сводным каталогом славянских первопечатных книг многие годы велась только благодаря энтузиазму Е. Л. Немировского.⁴⁷ Результатом ее стали вот уже 3 тома описаний изданий, которые, если учитывать важность предприятия, нуждаются во всесторонней оценке.

⁴³ См.: Bowers F. T. *Principles of Bibliographical Description* / Introd. by G. T. Tanselle. Winchester: New Castle, DE, 1994. P. 3—34. Первое издание этой книги вышло в 1949 г.

⁴⁴ Badalić J. *Jugoslavica usque ad annum MDC: Bibliographie der südslawischen Frühdruche*. Baden-Baden, 1959 (2. verbesserte Auflage: Baden-Baden, 1966); Голенченко Г. Я. Библиографический список белорусских старопечатных изданий XVI—XVIII вв. Минск, 1961; Максименко Ф. П. Кириличні стародруки українських друкарень, що зберігаються у львівських збірках (1574—1800). Львів, 1975; Запаско А. П., Ісаєвич Я. Д. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків виданих на Україні. Львів, 1981—1984. Кн. 1—2.

⁴⁵ Кирилловские издания Супрасльской типографии / Сост. Ю. А. Лыбынцев // В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. указания. М., 1978. Вып. 3.

⁴⁶ Галенчанка Г. Я. Старадрукаваннныя кірылічныя выданні... С. 9—192; Вознесенский А. В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII—начала XIX века: Каталог. Л., 1991.

⁴⁷ История работы над сводным каталогом имеет подробное изложение, см.: [Bd 1. S. 9—12]; Немировский Е. Л. Первые славянские: Сводный каталог старопечатных книг кирилловского шрифта: [Рец. на кн.: Nemirovskij E. L. *Gesamtkatalog... Bd 1*] // Книжное обозрение. 1996. № 39. 1 окт. С. 23.

С точки зрения достижений изыскательской работы каталог Е. Л. Немировского, несомненно, является шагом вперед в сравнении с ему предшествовавшими. Добавить что-либо, исходя из тех сведений о кириллических изданиях, которые являются всеобщим достоянием, практически невозможно. Но насколько полны эти сведения? Е. Л. Немировский полагает, что в отличие от 1960-х гг., когда их явно не хватало, поскольку многие собрания были не описаны [Bd 1. S. 9], теперь дело обстоит совсем иначе. Подтверждение своему мнению он находит в том, что появилось немало описаний небольших собраний,⁴⁸ что уже в каталоге московских книг XVI—XVII вв. А. С. Зерновой были описаны московские издания 6 крупнейших московских и петербургских библиотек,⁴⁹ в которых к тому же продолжается библиографическое изучение кириллических изданий,⁵⁰ что уже созданы сводные каталоги белорусских и украинских изданий, напечатанных до конца XVIII в.,⁵¹ что активное изучение кириллических книг ведется сейчас в Европе и Америке⁵² [Bd 1. S. 9—11]. При этом, рассказывая о замечательных находках последних десятилетий, Е. Л. Немировский оставляет без внимания значительное пополнение русских собраний благодаря полевой археографической работе,⁵³ хотя среди новых поступлений, полученных в результате археографических экспедиций или просто путем покупки, обнаруживается немало изданий, еще не возникавших в поле зрения библиографов.⁵⁴ Впрочем, Е. Л. Немировский сам признает ограниченность каталога современным состоя-

⁴⁸ Но при этом еще больше собраний не описано, хотя работа с каждым из них, как правило, ведет к новым находкам, и не только XVII, но и XVI в. (см., например: Кулиничев Ф. Н. Новые находки старопечатных книг XVI века в фондах ГАНУ // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература: Тезисы докл. Междунар. науч.-практич. конф., состоявшейся 14—16 октября 1998 года. Н. Новгород, 1998. С. 40—41). Важно отметить также и то, что в России продолжают создаваться новые коллекции кириллических изданий, как, к примеру, собрание Ферапонтова монастыря, курируемое Г. И. Вздорновым (см.: Старопечатные книги и рукописи из фондов Музея фресок Дионисия: Каталог выставки / Сост. Г. И. Вздорнов, М. Н. Шаромазов. Ферапонтово, 1999).

⁴⁹ А. С. Зернова отзывалась о своей работе иначе: «Издания, достаточно полно описанные в Библиотеке имени В. И. Ленина, не просматривались de visu в остальных библиотеках. Решено было ограничиться изучением существующих в этих библиотеках каталогов и инвентарей», которые «часто в той или иной степени неудовлетворительны, и использование их могло привести в отдельных случаях к ошибкам» (Зернова А. С. Книги кирилловской печати... С. 4).

⁵⁰ И РНБ, и РГБ не раскрыли и 1/5 всех своих книжных богатств; печатных каталогов БАН, имеющей около 8000 экземпляров кириллических книг, и ГИМ не существует вовсе.

⁵¹ При просмотре каталогов А. П. Запаско и Я. Д. Исаевича (см. сноску 44) и Г. Я. Голенченко (см. сноску 46) становится очевидным, что их составителями не были просмотрены все экземпляры и, более того, все издания, в них упомянутые.

⁵² Но до сих пор можно только догадываться о том, что хранится в библиотеках Албании, Бельгии, Греции, Голландии, Франции, Швейцарии и т. д. (см. обзор кириллических фондов в странах Европы и Сев. Америки в статье: Thomas C. G. A Survey of Printed Books in Church Slavonic in Collection Outside the Former USSR // Solanus. (London), 1996. Vol. 10. P. 116—130).

⁵³ Так, по каталогу 1970 г. (Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати...) уже нельзя судить о собрании кириллических книг в библиотеке С.-Петербургского университета: оно выросло более чем вдвое. Археографические экспедиции Уральского университета позволили составить коллекцию, в которой насчитывается уже около 2000 книг (см.: Починская И. Уральский археографический центр и его коллекция старопечатных и рукописных книг кириллической традиции // Solanus. (London), 1999. Vol. 13. P. 61—62, а также: Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995. Ч. 3 / Сост. И. В. Починская, Н. А. Мудрова, Н. А. Борисенко; Отв. ред. В. И. Байдин).

⁵⁴ См., например: Гусева А. А. Неизвестные издания кирилловской печати Москвы и Петербурга XVII—XVIII веков в собрании Российской государственной библиотеки // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 67. С. 120—139.

нием изыскательской работы в области кириллических печатных древностей, предполагая, что еще будут обнаружены новые экземпляры описанных им изданий [Bd 1. S. 46].

Чтобы оценить новый сводный каталог с точки зрения отражения в нем итогов развития библиографического знания, к сожалению, невозможно опереться на высказывания об этом его составителя, поскольку он просто указывает на то, что в основу его труда положены основные правила описания изданий, разработанные в Отделе редких книг ГБЛ (теперь РГБ) в 70-х гг.,⁵⁵ специально отмечая при этом лишь проведение в каталоге принципа поэкземплярного учета изданий⁵⁶ да указание в нем подробной росписи состава описываемых изданий.⁵⁷ Поэтому следует обратиться собственно к описаниям изданий, вошедших в первые 3 тома сводного каталога.

Статьи описаний, посвященные отдельным изданиям, открываются их названием, что неудивительно, поскольку первые кириллические книги были главным образом богослужебными, не имевшими единого автора. Вопрос о том, как приводить названия подобных книг, учитывая то, что у некоторых книг было одновременно несколько названий,⁵⁸ что уже в выходных сведениях или в предисловии книга могла получать не одно название,⁵⁹ решался по-разному. А. С. Зернова предложила использовать условные названия книг.⁶⁰ Согласно «Основным правилам описания изданий», при указании названия книги следует воспроизводить текст титульного листа книги либо «заглавие, вынесенное в начало основного текста книги».⁶¹ В сводном каталоге Е. Л. Немировского не проводится последовательно ни одно ни другое правило (исключение составляют лишь описания библейских книг, изданных Франциском Скориной [Bd 3], условные названия которых давно установлены и используются в библистике), и это наглядно показывает сопоставление выносимых в заголовки названий с самоназваниями изданий:

- Bd 1. N 1. Октоих-Осмогласник (S. 73) — осмогласникъ (там же, Bl. 2).⁶²
 N 2. Часослов (S. 87) — часословец (там же, Bl. 1a).
 N 3. Триодъ постная (S. 109) — нет самоназвания.
 N 4. Триодъ цветная (S. 139) — нет самоназвания.
 N 5. Октоих первогласник (S. 167) — осмогласникъ (там же, Bl. 1a, 2b), охтоихъ (S. 183, Bl. 269a).
 N 6. Октоих пятигласник (S. 220) — нет самоназвания.

⁵⁵ Немировский Е. Л. 1) Сводный каталог старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: (Теоретические и методические основы) // В чест на 80-годишнина на проф. Тодор Боров. София, 1984. С. 201; 2) Сводный каталог редких и особенно ценных изданий: К постановке вопроса // Редкие книги и рукописи: Изучение и описание. Л., 1991. С. 47; 3) [Bd 1. S. 44].

⁵⁶ Немировский Е. Л. Сводный каталог старопечатных изданий... С. 205—207.

⁵⁷ Немировский Е. Л. Первые славянские... С. 23.

⁵⁸ Как в пределах одной культурной традиции (Минея праздничная и Трефолой, Месяцеслов и Святцы), так, в особенности, в разных традициях (о названиях следованной Псалтири см.: Вознесенский А. В. Служебная Псалтирь в восточнославянском книгопечатании XVI—XVIII вв. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 217).

⁵⁹ Так в предисловии киевского Анфологиона 1619 г. можно прочесть: Книга Днѣлологѣтъ, Цвѣтословіе, или Трефологѣтъ, словопитаніе или Съборній, изверѣна^а Минеа (цит. по изд.: Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг... № 248).

⁶⁰ Зернова А. С. Книги кирилловской печати... С. 5.

⁶¹ [Немировский Е. Л.] Основные правила описания изданий кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв. // В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. указания. М., 1976. Вып. 1. С. 6—7.

⁶² При передаче названий латиница транслитерируется современным русским шрифтом, а косвенные падежные формы заменяются именительным падежом.

- N 7. Псалтирь с воследованием (S. 225) — псалтирь (S. 231, Bl. 348a).
- N 8. Требник (S. 245) — нет самоназвания.
- Bd 2. N 9. Служебник (S. 117) — *лѣтоуѣрѣга* (там же, Bl. 3b; S. 119, Bl. 128a).
- N 10. Октоих (S. 127) — *ѡсмогласникъ* (там же, Bl. 1a, 200b).
- N 11. Служба блаженной деве Марии (S. 153) — *ѡфичкъ свете днѣве маріѣ* (S. 157, Bl. 17a).⁶³
- N 12. Молитва кое учини света Бричида прид кручификсом (S. 171) — *Молитва коѡ Ѹчини сѣа вричѣда придѣ кручѣфѣикъсомъ стѣнемъ* (там же, Bl. 1a). Таким образом, описывая издания № 2, 7, 9, 10, 11, Е. Л. Немировский приводит названия, не соответствующие вполне самоназваниям, то есть названия условные, в № 1 ищет компромисс между условным названием и самоназванием, а в № 12 вполне следует за самоназванием. В № 5 и 6 он приводит названия, которые не являются ни условными, ни самоназваниями, объясняя первое из них тем, что так эту книгу называют южные славяне (den ersten Teil des Oktoich, den die Südslawen Oktoich Pervoglasnik nennen [Bd 1. S. 35]).

То, что наблюдается в каталоге Е. Л. Немировского, в равной мере встречается и в других каталогах кириллических изданий, поскольку проблема названия богослужебных книг при их описании не только не решена, но никогда и не ставилась на обсуждение. Всем понятно, что, если следовать за самоназваниями книг, станет почти невозможной их классификация, да и само библиографическое описание утратит такое важное достоинство, как наглядность. Вместе с тем системы условных их названий, которыми учитывались бы типологические особенности книг,⁶⁴ их принадлежность к той или иной печатной традиции,⁶⁵ пока не существует. В любом случае решение проблемы, как кажется, нужно искать в сочетании в заголовке описания условного названия и самоназвания.

В «формальном описании»⁶⁶ изданий обращает на себя внимание отсутствие каких-либо упоминаний о бумаге, на которой они напечатаны.⁶⁷ Между тем о важности ее исследования пишет и сам Е. Л. Немировский, строя в том числе и на употреблении в разных частях цетинской следованной Псалтири разной бумаги свою гипотезу о напечатании начала ее в Венеции, до появления еще типографии в Цетинье [Bd 1. S. 40].

В целом «формальное описание» изданий в сводном каталоге показывает, что его составитель ставит перед собою те же цели, что в свое

⁶³ На самом деле эта служба является центральной частью сборника, заключающего в себе еще и месняцеслов, службу св. кресту, службу св. духу и т. д.

⁶⁴ Название первой книги Швайпольта Фиоля у Е. Л. Немировского Октоих-Осмогласник, как представляется, как раз и нужно рассматривать как попытку указать на то, что Фиолев был напечатан не полный Октоих, а сокращенный его тип, который на московском Печатном дворе обычно именовали Шестоднев.

⁶⁵ С мнением Е. Л. Немировского, что напечатанные в польско-литовском государстве, в Сербии и Венеции книги могли сразу использоваться в литургической практике Московского государства, и наоборот [Bd 1. S. 8], едва ли можно согласиться. Ни южнославянские, ни венецианские издания на территорию России почти не попадали (они есть в библиотеках, но благодаря русским библиофилам XIX в.) и в литургической практике не применялись, причину чего следует видеть как раз в типологическом различии изданий. Книги, напечатанные в Великом княжестве Литовском, также имели весьма ограниченное распространение (за исключением напечатанных в московской манере изданий Мамониной), и, как правило, это были прежде всего небогослужебные книги.

⁶⁶ Об этом понятии см.: [Немировский Е. Л.] Основные правила описания изданий... С. 8.

⁶⁷ Трудно не согласиться с Д. С. Г. Симмонсом, который в беседе со мною в 1997 г. говорил о недопустимости игнорирования этой характеристики издания в сводном каталоге.

время и А. С. Зернова, не выходя за пределы «атрибутивного» метода. Об этом свидетельствует, в первую очередь, его отношение к вариантам издания, которые приводятся, как правило, в том случае, когда они могут явиться препятствием для атрибуции, как, например, исправление ошибки в сигнатурном ряду цетинского Октоиха 1—4-го гласов [Bd 1. S. 184], но и при этом они не всегда находят себе место в описании издания, как возможное отсутствие инициалов на л. 146 а и 179 а в том же Октоихе, о котором можно узнать только из описания экземпляра № 5.43 [Bd 1. S. 200].⁶⁸ Впрочем, из-за отсутствия их только в одном экземпляре они исключены из описания издания вообще [Bd 1. S. 167].

Особого обсуждения заслуживает то, как приводится в описаниях листовая формула, и прежде всего в связи с описанием изданий Швайпольта Фиоля.⁶⁹ К вопросу о сигнатурах в изданиях Фиоля обратились почти одновременно в 1968 г. М. Бошняк и Е. Л. Немировский, при этом первый ограничился констатацией необычности системы сигнатур у краковского типографа и невозможности найти подобную где-либо еще,⁷⁰ второй к тому же предложил еще и специальные формулы для того, чтобы, исходя из сигнатуры фиолевских изданий, можно было определить порядковый номер их листов.⁷¹ Эти формулы попали затем в монографию Е. Л. Немировского о Фиоле,⁷² в которой недвусмысленно заявляется об отсутствии у Фиоля нумерации листов и о странной системе сигнатур.⁷³ В своей монографии Е. Л. Немировский был очень близок к тому, чтобы правильно интерпретировать эту странность,⁷⁴ однако в дальнейшем он, напротив, приходит к выводу, что в изданиях краковского типографа не было ни фолиации, ни сигнатур, но была только специфическая, одному Фиолю присущая система нумерации некоторых листов книги [Bd 1. S. 19—22].⁷⁵

⁶⁸ Дескриптивная библиография рассматривает варианты издания как факты, воссоздающие историю его печатания (см.: Bowers F. T. Principles of Bibliographical Description. P. 42 и след.). Е. Л. Немировский, признавая эту их роль, относит, однако, вопрос о приведении вариантов издания в его описании к спорным (см.: Немировский Е. Л. Сводный каталог старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Теоретические и методологические основы // Известия на Народната библиотека «Кирил и Методий». (София), 1983. Т. 18 (24). С. 64—65).

⁶⁹ Приводя листовую формулу, Е. Л. Немировский следует в основном методике А. С. Зерновой. Лишь однажды, в предисловии, говоря об издании, называемом им «Служба блаженной деве Марии», и указав, что «для обозначения тетрадей использован следующий ряд знаков: А, Б, а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о», он вдруг приходит к выводу, что листовая формула «выглядит следующим образом: 1⁸—16⁸ = л. 1—128» [Bd 2. S. 98—99]. Правда, в описании книги ее сигнатурные ряды обозначены уже иначе: А⁸В⁸ <так!> а⁸—о⁸, — впрочем, указаний на то, что в алфавитном ряду недостает букв «s» и «i», нет [Bd 2. S. 153].

⁷⁰ Wošnjak M. The Special Mode of Marking in the First Cyrillic Printed Books // Beiträge zur Inkunabelkunde. (Berlin), 1975. 3. Folge. Bd 6. S. 104 (непечатано из книги: A Study of Slavic Incunabula. Zagreb; München, 1968).

⁷¹ Немировский Е. Л. Определение порядкового номера листа по сигнатуре в старопечатной книге // Издательское дело. Книговедение: Науч.-информ. сб. (М.), 1968. № 2. С. 44—45.

⁷² Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 83—84, 129—130.

⁷³ Там же. С. 83, 129, 151, 166.

⁷⁴ См. его замечание об Октоихе: «В книге, таким образом, пронумерован каждый бумажный лист, кроме первого (с фронтисписом) и последнего» (Там же. С. 83), — и противоположное ему, о Триоди постной: «...в этом случае Фиоль отошел от приемов, найденных им при работе над Часословом, — там он нумеровал первый и третий листы каждой тетради» (Там же. С. 151).

⁷⁵ Из листовой формулы в описаниях Е. Л. Немировского, однако, можно понять, что в изданиях Фиоля имела именно фолиация, но с регулярными перерывами, см.: Немировский Е. Л. Описание изданий типографии Швайпольта Фиоля. М., 1979; а также: [Bd 1. S. 80, 88, 110, 139].

Между тем эту нумерацию некоторых листов нужно рассматривать только как систему сигнатур фиолевских изданий, о чем неоспоримо свидетельствуют помещенные Фиолем в конец Октоиха и Часослова специальные указатели сигнатур, которые были призваны гарантировать правильное составление тетрадей этих книг.⁷⁶

Понимание системы сигнатур, примененной Фиолем, приходит при рассмотрении Часослова, который отличается от других его изданий форматом (4°, а не 2°) и поэтому регулярностью нумерации листов. Обычно в изданиях Фиоля нумеровалась первая половина листов тетради, вторая же оставалась без номеров. В Часослове из 8 листов пронумерованы только 1-й и 3-й. Если учесть, что фальцовка развернутого листа бумаги, на котором отпечатывался один набор текста, давала либо 2 (при формате в 2°), либо 4 (при формате в 4°) листа книги, то несомненным становится то, что Фиоль сигналовал не тетради книги, а каждый лист бумаги, на котором делался оттиск одного набора.

Едва ли можно согласиться с утверждением М. Бошняка об уникальности сигнатур Фиоля,⁷⁷ поскольку точно такая же обнаруживается в нескольких ранних московских изданиях. О существовании ее и на этот раз позволяют судить издания среднего формата, так как издания во 2-ю долю листа, за исключением анонимных,⁷⁸ не сигналовались вовсе, а издания в 8-ю долю листа получали лишь одну сигнатуру и при сигнации тетрадей, и при сигнации развернутых листов бумаги (тетрадь издания в 8° состояла из 8 листов и ее набор отпечатывался на одном развернутом листе). Что касается изданий в 4-ю долю листа, то вопрос о сигнации в них решался неодинаково разными печатниками. Так, в Псалтири Никифора Тарасиева и Андроника Тимофеева Невежи 1568 г.⁷⁹ сигнуются листы бумаги, в Минее общей (1600), Служебнике (1602) и Псалтири (1602), изданных Андроником самостоятельно,⁸⁰ — тетради. В первых изданиях Печатного двора Никита Федоров Фофанов ставит помету на тетради,⁸¹ неизвестный мастер и софийский поп Никон — на листы бумаги.⁸² В дальнейшем на московском Печатном дворе сначала отказываются от сигнации изданий среднего формата, затем вновь возвращаются к ней, но помещают уже только тетради. Между тем отголоски системы сигнации каждого из развернутых листов бумаги, на котором отпечатывался набор, можно найти в изданиях старообрядцев.⁸³

⁷⁶ Этот аргумент как раз и заставил М. Бошняка писать именно о сигнатурах в изданиях Фиоля (см.: Bošnjak M. The Special Mode... S. 104).

⁷⁷ См.: Ibid.

⁷⁸ Сигнация анонимных изданий, как указывала А. С. Зернова, не всегда последовательна и полна, и лишь в Псалтири 4-го шрифта сигнатуры напечатаны на протяжении всей книги» (Зернова А. С. Книги кирилловской печати... С. 6), однако в них сигнуются именно тетради. При этом обычно знаки сигнатур в этих изданиях являются частью набора. Исключение составляет Псалтирь «4-го шрифта» (Там же, № 6), в которой, как показывает экземпляр РНБ, XVII.11.6, напечатанный на очень тонкой бумаге, сигнатуры отпечатаны штампом. Очертания его, два полумесяца, обращенных к сигнатуре и находящихся на расстоянии 28 мм друг от друга, в ряде случаев обнаруживаются в этом экземпляре, порою оттискиваясь на всех листах тетради (см., к примеру, тетради 11 и 13), что неопровержимо говорит о нанесении сигнатур уже после фальцовки, на готовые к сплетению в книжный блок тетради.

⁷⁹ Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 9.

⁸⁰ Там же, № 15, 18, 19.

⁸¹ Там же, № 30.

⁸² Там же, № 31, 36. См. об этом 5-ю статью цикла: Вознесенский А. В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 5. Загадка московской Псалтири 1619 г.

⁸³ Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII—начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996. С. 45.

При решении вопроса о том, как указывать листовую формулу краковских изданий, кажется, имеет смысл прибегнуть к приему, использованному А. С. Зерновой при описании изданий с двумя сигнатурами в пределах одной тетради,⁸⁴ как это уже и сделала В. И. Лукьяненко.⁸⁵ В этом случае листовая формула краковского Октоиха 1491 г., к примеру, получит вид:

$$1/2/3^8 \ 5/6/7/8^8—81/82/83/84^8 \ [85]/[86]^4 = \text{л. } [1]—[172].$$

Представляется, что и в описаниях изданий с двойной сигнатурой (на лицевой стороне первого и оборотной стороне последнего листов тетради) следует указывать обе последовательности, тем более что в одну из них может закрасться ошибка. Тут также вполне применим тот способ указания сигнатур, который предложен для изданий Швайпольта Фиоля. Например, потетрадный состав Службника (Тырговиште, 1508) будет иметь вид:

$$\pi^4 \ 1/1^8—15/15^8 \ \bar{\text{с}}/16^4 = \text{л. } [1]—[128].$$

Тогда отпадет нужда в создании специальных, лежащих вне описаний дополнений к ним, вроде указателя сигнатур и счета листов (*Blattzählung*), в которые у Е. Л. Немировского порою перенесены такие важные элементы листовой формулы, как ошибки в счете листов.⁸⁶

Несомненным достоинством каталога Е. Л. Немировского является присвокупление к описанию альбомов орнаментики и приведение образцов шрифтов, употребляемых в описанных изданиях. При этом Е. Л. Немировский, и это очень важно, включает в состав орнаментального убранства издания ломбарды, чего до него обычно никто не делал. Однако подробная роспись орнаментики,⁸⁷ особенно в тех случаях, когда издание богато и разнообразно ею украшено, становится довольно громоздкой и, конечно же, требует специальных указателей, возможно, сделанных наподобие тех, которыми снабжен каталог украинских книг РГБ.⁸⁸

«Основную особенность» составленного им каталога Е. Л. Немировский находит в «подробном раскрытии состава» описываемых им изданий, в описании содержания некоторых книг «на уровне песнопений».⁸⁹ И действительно, роспись состава изданий в сводном каталоге, как правило, составляет большую часть описания. Важность именно такого описания Е. Л. Немировский мотивирует тем, что, имея его, исследователи получают возможность «проследить историю <...> текстов» богослужебных книг, а библиографы значительно облегчат себе «определение комплек-

⁸⁴ Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 9, 31.

⁸⁵ Лукьяненко В. И. Издания кириллической печати XV—XVI вв. (1491—1600 г.): Каталог книг из собрания ГПБ. СПб., 1993. № 1—4.

⁸⁶ Как в случае со скорининскими книгами Исход и Левит [Bd 3. S. 292, ср.: S. 197, 211]. Между тем ошибки в счете листов, обнаруживаемые в Псалтири, в книгах Иисуса Сирахова и Чисел, приведены в их описаниях [Bd 3. S. 42, 77, 223].

⁸⁷ Лишь в описании книги, называемой им «Служба блаженной деве Марии» (Венеция, 1512), Е. Л. Немировский, указывая на то, что каждая страница издания имеет орнаментальную рамку, которая составлена из 4 досок, не приводит при этом росписи [Bd 2. S. 153].

⁸⁸ Украинские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Вып. 1: 1574—1-я половина XVII в. / Сост. Т. Н. Каменева, А. А. Гусева. М., 1976; Вып. 2, ч. 1: Киевские издания 2-й половины XVII в. / Сост. А. А. Гусева, Т. Н. Каменева, И. М. Полонская. М., 1981; Вып. 2, ч. 2: Львовские, новгород-северские, черниговские, уневские издания 2-й половины XVII в. / Сост. А. А. Гусева, И. М. Полонская. М., 1990.

⁸⁹ Немировский Е. Л. Первые славянские... С. 23.

ности» новонайденных экземпляров описанных в каталоге изданий.⁹⁰ Однако реализация обеих этих задач при помощи каталога и находящихся в нем описаний вызывает некоторые сомнения, и прежде всего потому, что принципы включения и невключения в описание той или иной части книги, а также принципы указания в описании сведений о них не вполне ясны.

Очевидно, что в описании состава изданий не пропускаются заголовки крупных разделов книги. Что же касается более мелких ее частей или даже частиц, то, на первый взгляд, учитывается все, что выделено киноварью. Поэтому в описании Часослова (Краков, 1491) в разряд содержания попадают служебные указания вроде: *Подѡаетъ вѣдати, тако Ѡ се-го // днѣ въ ѡхъ ни мжч. ни вѣгородичны не // поютса, також и на ѣ. пѣсни. честнѣи//шю. не стѣхсловим. и до съботы, фомины* [Bd 1. S. 90, Bl. 292b].⁹¹ Поэтому в некоторых случаях, когда фраза напечатана одно- временно киноварью и черной краской, в описании приводится не вполне понятный зачастую киноварный ее отрывок, как, к примеру: *подѡает // вѣдати еклизнархоу. тако вждет* [Bd 1. S. 91, Bl. 304a], который следует закончить так: *тако да* (слово пропущено в описании) *вждет Ѡпоу лврѣи.* При этом порою оборванная фраза получает вполне противоположный действительному смысл: *Въ стѣи // великы. чек. на ѡтрни. Ѡннѣ полѡнощица* [Bd 1. S. 90, Bl. 298b]. Ее продолжение: *не поетса и до пѣел, антипасхы.*

Вместе с тем ряд выделенных киноварью разделов не отмечается в описании вовсе, например, для л. 290b: *Въ вто д̄ не вѣрь овѣное, въ сре д̄ не на ѡр, въ че же д̄ не, в нелю д̄ по вѣрь, в сре е не вечерь,* для л. 291a: *В че е не на ѡ,* для л. 292b: *В п̄л̄ с̄ не на ѡрни, в п̄л̄ с̄ не на вечерни,* и т. д., хотя обычно подобные разделы указываются составителем.

Степень подробности описания отдельных частей также не всегда одинакова. Так, в описании содержания краковской Триоди постной 1491 г. могут приводиться начала ирмосов песней канона, но могут и не приводиться (см.: [Bd 1. S. 110, Bl. 16b—19b]), причем иногда даже в пределах одного канона ([Bd 1. S. 110, Bl. 29a] — здесь указан инципит ирмоса 9-й песни, но не указан — для ирмоса 8-й песни).

Все это заставляет сомневаться в возможности использования каталога для исследования истории текста богослужебных книг, тем более что в указании состава изданий в описаниях нельзя не заметить и ряда неточностей, искажающих этот текст, к примеру, в той же Триоди постной: *пѣс̄ ѡ ирмос̄ и жена горѣсѣи* [Bd 1. S. 110, Bl. 12b] — *иже на горѣ сѣи; пѣвчелѣ* [Bd 1. S. 110, Bl. 35b, — в описании с вопросительным знаком] — *пѣ въслѣ,* то есть «песнь восслем».

Особенно много неточностей встречается при передаче букв «н» и «и», причем порою результаты прочтения удивляют самого составителя: *Ѣгда же врата цѣлѡють. еѡгѡе раздавает // игоумень, ванѡ* [!] [Bd 1. S. 90, Bl. 294b] — *ванѡ; мирон//сиць* [!] [Bd 1. S. 91, Bl. 316b] — *миронw//сиць; празнни* [!] [Bd 1. S. 91, Bl. 319f] — *празнѣ; Неѡ ѡ, по пас̄ стѣхъ шцѣ вѣноснѣх // ѡ и ѡи, иже в никен, а го събора* [Bd 1. S. 91, Bl. 324a] — *ѡ и ѡи,* т. е. «318».

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Текст из сводного каталога приводится в обратной транслитерации церковнославянским шрифтом латинского, поскольку система транслитерации церковнославянского шрифта латинским, принятая в сводном каталоге, чрезвычайно сложна, неудобна и малопонятна при чтении.

Также весьма странной представляется передача распространенного в богослужебных книгах указания Ѡ, т. е. «трижды», как ģĭ [Bd 1. S. 90, Bl. 293a; S. 91, Bl. 308a, 319a].

Употребление в 1-м томе каталога латинской транслитерации церковнославянского шрифта, от которой Е. Л. Немировский, к счастью, отказался во 2-м и 3-м томах, привело к очень большому количеству ошибок, приводить примеры которых не имеет смысла.

Возможность использования каталога для «определения комплектности» экземпляра, как упоминалось, также вызывает некоторые сомнения. И вот почему. До песнопений можно расписать содержание только той книги, в которой эти песнопения есть. При их отсутствии приходится указывать другие сегменты состава, которые могут занимать не один лист. К примеру, в скорининской книге Иисуса Сирахова л. 10, 20, 24, 29, 32, 35, 37, 39, 41, 44, 47, 49, 52, 54, 58, 61, 63, 65, 68, 71, 75, 79⁹² не имеют никаких заголовков, но только текст, отчего и не упомянуты в описании. Следовательно, для их идентификации при неверном сплетении книжного блока или в случае существования вне его и при возможной утрате нумерации листов в экземпляре необходимо обращаться к факсимильному изданию скорининской Библии. Еще большие трудности могут возникнуть с изданиями, не имеющими столь мелких подразделений текста.

Заключительная часть описания издания — отсылки к предшествующим библиографиям, смысл которой в сводном каталоге, претендующем на создание наиболее точных описаний изданий, может сводиться только к тому, чтобы показать историю библиографического изучения издания, — в каталоге Е. Л. Немировского, по сути, лишена этого смысла, так как отсылки располагаются в алфавитном, а не хронологическом порядке. Таким образом, и история библиографирования издания выносятся за пределы описания в предисловие и в общий указатель литературы, посвященной деятельности той или иной типографии, который как раз и устроен в хронологической последовательности.

Вслед за описанием издания в каталоге Е. Л. Немировского следуют описания всех сохранившихся и упомянутых в литературе экземпляров этого издания. Это несомненное достоинство нового сводного каталога, даже несмотря на то что некоторые экземпляры и не получили достаточного описания из-за того, что его составитель не имел возможности просмотреть их *de visu*.

В заголовке описания экземпляра приводятся сведения о месте его хранения (указываются собрание и город, в котором оно расположено) и шифр, под которым оно зарегистрировано в месте своего хранения. Также в заголовок внесены сведения о комплектности экземпляра (перечислены наличествующие в нем листы издания) и, временами, — о размерах книжного блока. Далее следует характеристика экземпляра, заключающая в себе 3 главных раздела: 1) сведения о переплете, особенностях сплетения листов и рукописных дополнениях, 2) обнаруженные в экземпляре записи, 3) библиография, в которой отражена история бытования именно этого экземпляра и его изучения. Необходимость всех трех разделов не вызывает никакого сомнения, в том числе и последнего, представляющего собою новый, но, как кажется, хорошо придуманный и полезный прием описания экземпляра.

⁹² При указании состава издания в каталоге после 80-го следуют, вероятно в результате опечатки, 91-й и 92-й л. [Bd 3. S. 83], поскольку издание напечатано лишь на 82 листах [Bd 3. S. 77].

Вместе с тем нельзя не заметить того, что Е. Л. Немировский недостаточно четко разграничивает характеристику экземпляра как экземпляра определенного издания и его характеристику как такого экземпляра издания, который имел свою, присущую только ему историю бытования.

Сведения о комплектности экземпляра и о вариантах издания, в нем представленных, показывающие, в какой степени воплощено в экземпляре издание, и, следовательно, ценность экземпляра для изучения издания, должны быть, как представляется, отделены от других и вынесены в заголовок описания. Е. Л. Немировский между тем, выделяя сведения о комплектности экземпляра, часто представляет подсчет листов в том виде, в каком они сплетены в экземпляре [Bd 1, N 2.17, 2.21, 4.9 и т. д.], что является, вне всяких сомнений, уже фактом бытования экземпляра. Не случайно поэтому, что у Е. Л. Немировского можно встретить рассмотрение простого факта бытования книги, а именно случайного вплетения дополнительного двойного листа при переплете, без учета того, что это факт именно бытования, и превращение в связи с этим одного экземпляра книги в два [Bd 3, N 17.3 и 17.4].

Труднее понять невнимание составителя к рукописной реставрации изданий и к рукописным дополнениям в них. Однако, указывая на вплетение в книгу листов, от руки писанных, он далеко не всегда сообщает, что на них написано, хотя порою дополнения достигают нескольких десятков листов [Bd 1, N 5.55, в конце книги недостает 4 листов и вплетено 22 рукописных, N 7.21, в конце приплетены 32 рукописных листа XVI—XVII вв.]. Между тем рукописные дополнения в печатных книгах имеют важное значение для типологического изучения богослужебных книг.

Впрочем, чтение каталога позволяет обнаружить подобное же безразличие его составителя и к другим элементам описания. Он может вести речь о неправильном сплетении листов в экземпляре, не упоминая при этом, какого рода неправильность в нем представлена [Bd 1, N 5.49, 5.51], указать на наличие в книге маргиналий, не сообщая их характера [Bd 1, N 5.10], или записей, не приводя их [Bd 16, N 3.12, 4.20]. Но и тогда, когда записи приведены вполне, они воспроизводятся не всегда точно.⁹³

Таким образом, отдавая должное многолетним трудам Е. Л. Немировского, следует признать, что издаваемый им сводный каталог является важным этапом на пути к созданию реального сводного каталога старопечатных кириллических книг, ярко выделяющаяся все нерешенные проблемы их описания, над которыми еще предстоит трудиться библиографам.⁹⁴

⁹³ См., например, запись в лондонском экземпляре Октоиха 1—4-го гласов ([Цетинье]. 1494) [Bd 1, N 5.40], в которой кроме ошибок вроде *пѣна* вм. *писа*, *вѣликѣ* вм. *вѣліи* сѣ, и *повѣ* лашко вм. *і* по *вѣлашкон* и т. п. обнаруживается выпадение нескольких строк, например, после слов: *ѡка врашна ѿ аспрѣ* выпущена строка: *а моумурѣзнога и проина* (поверх написано: *по) ѿ аспрѣ чабѣ жѣра ѿ аспрѣ*.

⁹⁴ Уже после написания статьи мне посчастливилось познакомиться с новым томом сводного каталога Е. Л. Немировского: Bd 5: Die Druckerei von Francisk Skorina in Wilna. Baden-Baden, 1999 (Bibliotheca bibliographica Aureliana, 171). В этом томе, к сожалению, повторены все прежние ошибки. Опять Малая подорожная книжка описывается как 21 отдельное издание, что представлено Е. Л. Немировским почему-то как нечто общепринятое [Bd 5. S. 43], опять производится неверное деление ее книжного блока на тетради (см. об этом 1-ю статью цикла: Вознесенский А. В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 1. Малая подорожная книжка Франциска Скорины // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 337—341).